

◆ ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА ◆

НАМ СВЕТАТ
ЗВЕЗДЫ
ЗОЛОТЫЕ

Поэты Серебряного века
как переводчики

МОСКВА
2023

УДК 821-1
ББК 84(0)-5
Н24

Оформление серии *Н. Ярусовой*

Н24 **Нам** светят звезды золотые. Поэты Серебряного века как переводчики. — Москва : Эксмо, 2023. — 384 с. — (Всемирная литература (с картинкой)).

ISBN 978-5-04-185932-9

Творцы Серебряного века подарили русскоязычному читателю не только собственную великую лирику, но и творения множества зарубежных поэтов. Марина Цветаева и Константин Бальмонт, Николай Гумилев и Валерий Брюсов... Эти и другие прославленные мастера знамениты и своими переводческими трудами: благодаря им мы читаем по-русски Шарля Бодлера и Стефана Малларме, Джорджа Гордона Байрона и Иоганна Вольфганга фон Гёте, античных лириков и классических китайских поэтов... В антологию вошли избранные поэтические переводы, выполненные истинными мастерами художественного слова Серебряного века.

УДК 821-1
ББК 84(0)-5

© Новгорова М.И., 2023
© Пастернак Б.Л., наследники, 2023
© Соболева Д.С., составление, 2023
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-185932-9

ИННОКЕНТИЙ АННЕНСКИЙ

ВАКХИЛИД
(516—461 до н. э.)

МОЛОДЕЖЬ, или ТЕСЕЙ
(*Дифирамб*)

Строфа I

Волны грудью синей рассекая,
Море Критское триера¹ пробегала,
А на ней к угрозам равнодушный
Плыл Тесей, и светлые красою
Семь юниц, семь юных ионийцев...
И пока в угоду Деве браней²
На сиявшей парус Бореады
Налегали девы³, Афродита,
Что таит соблазны в диадеме,
Меж даров ужасных жало выбрав,
В сердце Миносу царю его вонзила,
И под игом страсти обезволен,
Царь рукой лица коснулся девы
Эрибеи, с ласкою коснулся...
Но в ответ потомку Пандиона⁴

---

¹ Корабль с тремя рядами гребцов. (*Здесь и далее прим. пер.*)

² Богине Афине, как и стоит в подлиннике.

³ Дочери Борея — северные ветры.

⁴ Тесею.

«Защити!» юница завопила...
Обернулся тут Тесей, сверкая,
Заметались темные зеницы;
Жало скорби грудь ему пронзило
Под ее блистающим покровом,
И уста промолвили: «О чадо
Из богов сильнейшего — Кронида¹,
У тебя бушуют страсти в сердце,
И рулем не правит совесть, видно,
Что герой над слабыми глумится».

Антистрофа I

«Если жребий нам метали боги
И его к Аиду Правда клонит,
От судьбы мы не уйдем, но с игом
Произвола царского помедли.
Вспомни, царь, что если властелином
Зачат ты на ложе Зевса дочерью
Феника, столь дивно нареченный,
Там, на склонах Иды², то рождением
И Тесей не жалок: Посейдону
Дочь меня Питтеева³ родила,
Что в чертоге выросла богатом,
А на пире брачном у невесты
Золотое было покрывало,
Нереид⁴ подарок темноколых.
Говорю ж тебе и повторяю,
О кносийских⁵ ратей повелитель,

---

¹ Сына Кроноса — Зевса; разумеется Минос.

² Горный хребет в Троаде.

³ Эстра, родившая Тесея от Эгея; божественным же отцом Тесея считался морской бог Посейдон.

⁴ Морские нифмы, дочери Героя, божества моря.

⁵ То есть критских; Кнос — город на Крите.

Или ты сейчас же бросишь сам
Над ребенком плачущим глумиться,
Иль пускай немеркнувшей денницы
Мне сиянья милого не видеть,
Если я сорвать тебе позволю
Хоть одну из этих нежных веток.
Силу рук моих изведай раньше, —
А чему потом случиться надо,
Это, царь, без нас рассудят боги».

Эпод I

Так доблестный витязь сказал и умолк,
И замерли юные жертвы
Пред этой отвагою дерзкой...
Но Гелиев зять¹ в разгневанном сердце
Узор небывалый выводит,
И так говорит он: «О Зевс, о отец
Могучий, коль точно женою
Рожден я тебе белорукой,
С небес своих молнию сыну
Пошли ты, и людям на диво
Пусть огненной сыплется гривой!
Ты же, мощный, коль точно Эстра
Тебя колебателью суши
Дала Посейдону в Трезене²,
Вот эту златую красу³,
Которой десница сияла,
Отважно в отцовский чертог снизойдя,
Вернешь нам из дальней пучины.
А внемлет ли Кроний сыновней мольбе,
Царь молний, увидишь не медля...»

---

¹ Зять Солнца Минос, женатый на дочери Гелия Пасифае.

² Город в Арголиде.

³ Кольцо.

Строфа II

И внял горделивой молитве Кронид,
И сыну без меры могучий
И людям на диво почет он родит:
Он молнией брызнул из тучи, —
И славою полный воспрянул герой,
Надменное сердце взыграло,
И мощную руку в эфир голубой
Воздел он, и речь зазвучала;
Вещал он: «Ты ныне узрел, о Тесея,
Как взыскан дарами отца я,
Спускайся же смело за долей своей
К властителю тяжко гремящих морей,
И, славой Тесея бряцая,
Заросшая лесом земля загудит,
Коль так ей отец твой державный велит».
Но ужас осилить Тесея не смог:
Он за борт, он в море шагает...
И с лаской приемлет героя чертог,
А в Миносе мужество тает:
Триеру велит он на веслах держать.
Тебе ли, о смертный, судьбы избежать?

Антистрофа II

И снова по волнам помчалась ладья,
Покорна устам Бореады...
И в страхе теснилась афинян семья,
Бросая печальные взгляды
На пену, в которой сокрылся герой;
И с глаз их, как лилии, нежных
Горячие слезы сбегали порой
При виде судеб неизбежных.
Тесея ж дельфины, питомцы морей,
В чертог Посейдона примчали, —
Ступил за порог, — и отпрянул Тесея,

Златого Нерея узрев дочерей:
Тела их, как пламя, сияли...
И локоны в пляске у дев развились,
С них ленты золотые каскадом лились...
И, мерным движеньем чаруя сердца,
Сребрились их гибкие ноги.
Но гордые очи супруги¹ отца
Героя пленяли в чертоге...
И Гере подобясь, царица меж дев
Почтила Тесея, в порфиру одев.

Эпод II

И кудри герою окутал венец...
Его темно-розовой гущей
Когда-то для брачного пира
Ей косы самой увенчала Киприда,
Чаруя, золотые увила...
И чудо свершилось... и для бога оно —
Желанье, для смертного — чудо:
У острой груди корабельной, —
На горе и думы Кносийцу², —
Тесей невредим появился...
А девы, что краше денницы,
Восторгом объаты неожиданным,
Веселые крики подъяли,
А море шумело, напев
Товарищей их повторяя,
Что лился свободно из уст молодых...
Тебе, о Делосец³ блаженный,
Да будешь ты спутником добрых,
О царь хороводов родимых!

---

¹ Амифтриды, жены Посейдона.

² Из города Кноса на Крите.

³ Бог Аполлон.

КВИНТ ГОРАЦИЙ ФЛАКК

(65–8 до н. э.)

(Од. I, 5)

Какой воробышек душистый и цветистый
К тебе ласкается, в черед любуясь свой
Небрежно свитою волною золотистой
В той сени сладостной, где был я, Пирра, твой...
Сняла уборы ты... А все ж судьбы измены
Не раз оплачет он и вероломство жен,
Дивясь, как гибнет синь под чешуею пены
Иль вихря черного дыханьем поражен.
Наивный думает, что если ты ласкаешь
Его, готовая всечасно для утех,
Ты будешь, золотце, с ним и всегда такая ж.
Нет, бедный, буря спит... Но горе в ней для тех,
Кто верит блеску волн... А я уже буруну
Внемлю бестрепетно: на храмовой стене
Одежды влажные повесил я Нептуну
И доску пригвоздил: ты не опасна мне.

(Од. I, 13)

Если, Лидия, Тэлефа
Шею свежую ты, полные Тэлефа
Руки славишь, — во мне, увы!
С болью желчи волна, печень раздув, кипит.
Кружат мысли — то бледен я,
То горю я, и слез капли бегут, о стыд!
Слезы льются уликою,
Как глубоко огни, как они тихо жгут...
Жарче мука, сверканье ль
Белых плеч осквернит пьяный раздор тебе,
Или юноши пылкого
Алый след от зубов губы хранят твои.

Нет, не будет, о Лидия,
Долго деву любить, кто не жалеет губ
Девы нежных — не варварам
Квинтэссенцию пить меда Киприды с них...
Вы за то триблаженны, вы,
Вы, чьи узы хранит ласка, кому она,
Жалоб горьких не ведая,
Раньше смерти узла их не распутает.

(Од. II, 8)

Когда б измена красу губила,
Моя Барина, когда бы трогать
То зубы тушью она любила,
То гладкий ноготь,

Тебе б я верил, но ты божбою
Коварной, дева, неуязвима,
Лишь ярче блещешь, и за тобою
Хвостом пол-Рима.

Недаром клятвой ты поносила
Родимой пепел, и хор безгласный
Светил, и вышних, над кем невластна
Аида сила...

Расцвел улыбкой Киприды пламень
И нимф наивность, и уж не хмуρο
Глядит на алый точильный камень
Лицо Амура.

Тебе, Барина, рабов мы рóстим,
Но не редет и старых стая,
Себя лишь тешат, пред новым гостем
Мораль читая.

То мать за сына, то дед за траты
Клянут Барину, а девам сна нет,
Что их утеху на ароматы
Барины манит...

ИОГАНН ВОЛЬФГАНГ ФОН ГЁТЕ
(1749–1832)

* * *

Над высью горной
Тишь.
В листве, уж черной,
Не ощутишь
Ни дуновенья.
В чаще затих полет...
О, подожди!.. Мгновенье —
Тишь и тебя... возьмет.

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ
(1797–1856)

ICH GROLLE NICHT¹

Я все простил: простить достало сил,
Ты больше не моя, но я простил.
Он для других, алмазный этот свет,
В твоей душе ни точки светлой нет.

Не возражай! Я был с тобой во сне;
Там ночь росла в сердечной глубине,
И жадный змей все к сердцу припадал...
Ты мучишься... я знаю... я видал...

Двойник

Ночь, и давно спит закоулок:
Вот ее дом — никаких перемен,
Только жилицы не стало, и гулок
Шаг безответный меж каменных стен.

Тише. Там тень... руки ломает,
С неба безумных не сводит очей...

---

¹ Я не сержусь (нем.).

Месяц подкрался и маску снимает.
«Это — не я: ты лжешь, чародей!

Бледный товарищ, зачем обезьянить?
Или со мной и тогда заодно
Сердце себе приходил ты тиранить
Лунною ночью под это окно?»

МНЕ СНИЛАСЬ ЦАРЕВНА

Мне снилась царевна в затишье лесном,
Безмолвная ночь расстилалась;
И влажным, и бледным царевна лицом
Так нежно ко мне прижималась.

«Пускай не боится твой старый отец:
О троне его не мечтаю,
Не нужен мне царский алмазный венец;
Тебя я люблю и желаю».

«Твоей мне не быть: я бессильная тень, —
С тоской мне она говорила, —
Для ласки минутной, лишь скроется день,
Меня выпускает могила».

* * *

О страсти беседует чинно
За чаем — их целый синклит:
Эстетиком — каждый мужчина,
И ангелом дама глядит...

Советник скелетоподобный
Душою парит в облаках,
Смешок у советницы злобной
Прикрылся сочувственным «ах!».

Сам пастор мирится с любовью,
Не грубой, конечно, «затем,

Что вредны порывы здоровью»,
Девушка лепечет: «Но чем?»

«Для женщины чувство — святыня...
Хотите вы чаю, барон?»
Мечтательно смотрит графиня
На белый баронский пластрон...

Досадно, малютке при этом
Моей говорить не пришлось:
Она изучала с поэтом
Довольно подробно вопрос...

СЧАСТЬЕ И НЕСЧАСТЬЕ

Счастье девице подобно пугливой:
Не умеет любить и любима,
Прядь откинув со лба торопливо,
Прикоснется губами, и мимо.

А несчастье — вдова и сжимает
Вас в объятиях с долгим лобзаньем,
А больны вы, перчатки снимает
И к постели садится с вязаньем.

ВИЛЬГЕЛЬМ МЮЛЛЕР

(1794–1827)

ШАРМАНЦИК

В дальнем закоулке
Дед стоит седой
И шарманку вертит
Дряхлою рукой.

По снегу да босый
Еле бродит дед, —

На его тарелке
Ни копейки нет.

Мимо идут люди,
Слушать не хотят —
Только псы лихие
Деда теребят.

Уж давно о счастье
Дед не ворожит,
Старую шарманку
Знай себе крутит...

Эй, старик! Не легче ль
Вместе нам терпеть...
Ты верти шарманку,
А я буду петь...

ГЕНРИ ЛОНГФЕЛЛО

(1807—1882)

Дня нет уж...

Дня нет уж... За крыльями Ночи
Прозрачная стелется мгла,
Как легкие перья кружатся
Воздушной стезею орла.

Сквозь сети дождя и тумана
По окнам дрожат огоньки,
И сердце не может бороться
С волной набежавшей тоски,

С волною тоски и желанья,
Пусть даже она — не печаль,
Но дальше, чем дождь от тумана,
Тоска от печали едва ль.

Стихов бы теперь понаивней,
Помягче, поглубже огня,
Чтоб эту тоску убаюкать
И думы ушедшего дня,

Не тех грандиозных поэтов,
Носителей громких имен,
Чьи стоны звучат еще эхом
В немых коридорах Времен.

Подобные трубным призывам,
Как парус седой кораблю,
Они наполняют нас бурей —
А я о покое молю.

Мне надо, чтоб дума поэта
В стихи безудержно лилась,
Как ливни весенние хлынув
Иль жаркие слезы из глаз,

Поэт же и днем за работой,
И ночью в тревожной тиши
Все сердцем бы музыку слышал
Из чутких потемок души...

Биенье тревожное жизни
Смиряется песнью такой,
И сердцу она, как молитва,
Несет благодатный покой.

Но только стихи, дорогая,
Тебе выбирать и читать:
Лишь музыка голоса может
Гармонию строф передать.

Ночь будет певучей и нежной,
А думы, темнившие день,
Бесшумно шатры свои сложат
И в поле растают, как тень.

ШАРЛЬ БОДЛЕР

(1821–1867)

ИСКУПЛЕНИЕ

Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?
Тоска, унынье, стыд терзали вашу грудь?
И ночью бледный страх... хоть раз когда-нибудь
Сжимал ли сердце вам в тисках холодной стали?
Вы, ангел радости, когда-нибудь страдали?

Вы, ангел кротости, знакомы с тайной злостью?
С отравой жгучих слез и яростью без сил?
К вам приводила ночь немая из могил
Месть, эту черную назойливую гостью?
Вы, ангел кротости, знакомы с тайной злостью?

Вас, ангел свежести, томила лихорадка?
Вам летним вечером, на солнце у больниц,
В глаза бросались ли те пятна желтых лиц,
Где синих губ дрожит мучительная складка?
Вас, ангел свежести, томила лихорадка?

Вы, ангел прелести, теряли счет морщинам?
Угрозы старости уж леденили вас?
Там в нежной глубине влюбленно-синих глаз
Вы не читали снисхождения к сединам?
Вы, ангел прелести, теряли счет морщинам?

О ангел счастья, и радости, и света!
Бальзама нежных ласк и пламени ланит
Я не прошу у вас, как зябнувший Давид...
Но, если можете, молитесь за поэта
Вы, ангел счастья, и радости, и света!

ПОГРЕБЕНИЕ ПРОКЛЯТОГО ПОЭТА

Если тело твое христиане,
Сострадая, земле предадут,
Это будет в полночном тумане,

Там, где сорные травы растут.
И когда на немую путину
Выйдут частые звезды дремать,
Там раскинет паук паутину
И змеенышей выведет мать.
По ночам над твоей головою
Не смолкать и волчиному вою.
Будет ведьму там голод долить,
Будут вопли ее раздаваться,
Старичонки в страстях извиваться,
А воришки добычу делить.

ПРИВИДЕНИЕ

Ядом взора золотого
Отравлю я сон алькова,
Над тобой немую тьму
Я крылами разойму.

Черным косам в час свиданья —
Холод лунного лобзанья,
Руки нежные твои —
В кольца цепкие змеи.

А заря зазеленеет,
Ложе ласк обледенеет,
Где твой мертвый гость лежал,

И, еще полна любовью,
Прислоненный к изголовью
Ты увидишь там — кинжал.

СЛЕПЫЕ

О, созерцай, душа: весь ужас жизни тут
Разыгран куклами, но в настоящей драме.
Они, как бледные лунатики, идут
И целят в пустоту померкшими шарами.

И странно: впадины, где искры жизни нет,
Всегда глядят наверх, и будто не проронит
Луча небесного внимательный лорнет,
Иль и раздумие слепцу чела не клонит?

А мне, когда их та ж сегодня, что вчера,
Молчанья вечного печальная сестра,
Немая ночь ведет по нашим стогнам шумным

С их похотливою и наглой суетой,
Мне крикнуть хочется — безумному безумным:
«Что может дать, слепцы, вам этот свод пустой?»

Сплин

Бывают дни — с землею точно спаян,
Так низок свод небесный, так тяжел,
Тоска в груди проснулась, как хозяин,
И бледный день встает, с похмелья зол,

И целый мир для нас одна темница,
Где лишь мечта надломленным крылом
О грязный свод упрямо хочет биться,
Как нетопырь, в усердии слепом.

Тюремщик-дождь гигантского размера
Задумал нас решеткой окружить,
И пауков народ немой и серый
Под черепа к нам перебрался жить...

И вдруг удар сорвался как безумный, —
Колокола завыли и гудят,
И к облакам проклятья их летят
Ватагой злобною и шумной.

И вот... без музыки за серой пеленой
Ряды задвигались... Надежда унывает,
И над ее поникшей головой
Свой черный флаг Мученье развеивает.

СТАРЫЙ КОЛОКОЛ

Я знаю сладкий яд, когда мгновенья тают
И пламя синее узор из дыма вьет,
А тени прошлого так тихо пролетают
Под вальс томительный, что вьюга им поет.

О, я не тот, увы! над кем бессильны годы,
Чье горло медное хранит могучий вой
И, рассекая им безмолвие природы,
Тревожит сон бойцов, как старый часовой.

В моей груди давно есть трещина, я знаю,
И если мрак меня порой не усыпит
И песни нежные слагать я начинаю —

Все, насмерть раненный, там будто кто хрипит,
Гора кровавая над ним все вырастает,
А он в сознаньи и недвижно умирает.

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

(1844–1896)

COLLOQUE SENTIMENTAL¹

Забвенный мрак аллей обледенелых
Сейчас прорезали две тени белых.
Из мертвых губ, подъяв недвижный взор,
Они вели беззвучный разговор;
И в тишине аллей обледенелых
Взывали к прошлому две тени белых:
«Ты помнишь, тень, наш молодой экстаз?»
— «Вам кажется, что он согрел бы нас?»
— «Не правда ли, что ты и там все та же,
Что снится, тень моя, тебе?» — «Миражи».
— «Нет, первого нам не дано забыть
Лобзанья жар... Не правда ль?» —
«Может быть».

---

¹ Сентиментальная беседа (*фр.*).